

ФАНТОМ

“Фантом Оперы” — самый дорогой и самый сногшибательный мюзикл Бродвея, о котором у нас больше известно то, что там по залу люстры летают. За 9 лет со дня премьеры в театре “Мажестик” не зафиксировано ни одного непроданного билета при достаточно высоких ценах на них (от 35 долларов на галерке до 150 долларов в партере). У “Фантома” семь премий “Тони”. И каждый турист, прибывающий в Нью-Йорк, считает своим долгом “отметиться” на бродвейском привидении. Потому что это — вещь дорогая, наводящая ужас, выжимающая слезы и потрясающая своими техническими эффектами. Мелодраматический триллерок высшего пошиба. Обозреватель “МК” прорвался за кулисы “Фантом Оперы”.

Если русский театр начинается с вешалки, то американский — исключительно с улицы. Я открыла дверь служебного входа “Мажестик” на 43-й стрит и нос к носу оказалась с вахтерами. Ни тебе уютного предбанника с добрыми тетенька-

канского сериала.

Ми-ля-ми-соль-фа-фа-ре-фа-ре-ми.

Мне невероятно повезло, что моим гидом по закулисы стала актриса Лейла Мартин — единственная уцелевшая от первого состава постановки 1986 года в Лондонском театре Ее Королевского Величества. У нее туго на макушке стянуты волосы, отчето красивое лицо приобретает хищное выражение.

— Испугались? — спрашивает она, глядя на мое отражение в зеркале. — В жизни я другая. Я мадам Ленин (Крупская. — М.Р.) играла.

Не успела я подумать, что красивая артистка — это приличный комплимент подруге вояжа, как мы оказались на крутой лестнице, ведущей вниз. Лейла бежала впереди и красивым голосом излагала историю “Фантома”. Мы с переводчицей Ирой еле поспевали.

— А всему виной легенда. Считается, что именно в то место, где сейчас стоит Парижская опера, в яму бросали убитых и раненых в годы революции. С тех пор полагают, что здесь и поселилось привидение, которое вмешивается во все дела и ищет справедливости. — Она хохотнула. — Впрочем, на такое безрассудство способны разве что одни фантомы.

Лестница, по которой мы спускаемся, увешана костюмами, как гроздьями винограда: один на другом. Лейла говорит, что это оттого, что в служебной части театра мало места и костюмы вывешивают прямо здесь, чтобы успеть поднести

ли и расшивали вручную, и, наконец, что подземеелье, где громоздились сложные подъемно-спусковые механизмы, вырывали под театром “Мажестик” полгода. А завест, то есть технический директор, раскрыл кое-какие секреты подземного озера (читай ниже).

Тем временем по внутренней связи пошел шум зрительного зала: значит, начали пускать. Значит, люстрица, как огромный паук из металлических дуг и граненого стекла, через несколько минут зависнет над залом, кровожадно ожидая своего часа. Я затаилась, как мышь, в черноте кулисы и, пока меня не засекли, видела, как под красивую музыку короля мелодии — Уэббера в декорациях Парижской оперы разматывается жутковатая история. Сбоку видно, как после сенсационного успеха Кристина входит в свою артистическую. В этот момент разбивается зеркало. Она видит смутное отражение мужской фигуры, слышит чей-то голос, который зовет ее. Она перешагивает и оказывается в зазеркалье рядом с человеком в маске и в черном плаще с кровавым подбоем.

Кристина: Кто видел твоё лицо, отшатнется в страхе...

Но я хочу сорвать с тебя твою маску...
Фантом: Я должен научить тебя петь для моей музыки...

Я хочу, чтобы ты полюбила мужчину в монстре...

Инфернальный свет добавляет жути в эту сцену. Я не знаю, чем больше восхищаться и чему удивляться — красивым дуэтом, квартетом, голосам артистов, чистоте их игры или декорациями, как по маслу, наплывающих одна на другую. Представьте гладь озера, над которым поднимается дым, и гондола с парой скользит, лавируя между трехпальными свечами, которые поднимаются по всей сцене одновременно. Картинка из зала захватывающая. Но я-то уже знаю, что никакой воды на сцене нет, а гондола на колесах дистанционно управляется из кулисы и что люстра рухнет на зрителей, не долетев, может быть, полметра. Публика ахнет громко и отчетливо, как перед концом света.

— Люстра весит полторы тысячи фунтов, — сказал мне технический директор в антракте. — Сначала она летела быстрее, но страховая компания во избежание сердечных приступов у публики обязала нас сделать это медленнее.

— А что, были приступы?

— Если и были, то надеюсь, что не от спектакля.

— Когда играют про мистику, что-то мистическое происходит на спектакле? — спрашиваю в антракте молодого артиста, исполняющего партию Рауля.

— Вообще-то нет, — говорит Гери Мауэр, — у нас есть свои театральные приметы, но они распространяются на все спектакли, не только на “Фантом”. Например, нельзя свистеть в гримборной. И обязательно надо, чтобы все было хорошо, желать друг другу только плохого.

Артисты пожелали друг другу: “Разбей свою ногу” — и вышли на второй акт.

— А правда ли, что в бродвейских театрах держат спецчеловека, который в кулисах строго следит за тем, чтобы артисты не халтурили?

Гери рассмеялся и сказал, что с кнутом над ними никто не стоит. Хотя, конечно, все выкладываются, так как не хотят потерять работу. “Роль Рауля для меня как хороший кусок пирога, который трудно здесь получить”. Сколько конкретно стоит этот кусок — не уточнил. Добросовестность и отдачу артистов, которые девять лет (!) восемь раз (!) в неделю играют одно и то же представление, я наблюдаю из кулисы.

Фантом объявляет войну театральным интриганам, запутавшим его возлюбленную. Жертвы разлитого монстра своими трупами украсили сцену. Однако! Должно быть, тоскливо изо дня в день произносить банальности вроде: “Скажи, что ты будешь со мной. Что ты разделишь со мной все утра, все дни и ночи...” или “Только ты можешь мою песню окрылить” и прочие тексты, от которых веет такой мексиканской развесистой клюквой вперемешку с русской пошловатой клубничкой. Но...

Но... В провальной черноте кулисы пришла мысль, которая посетила меня еще тогда, когда я смотрела “Фантом Оперы” из зала. Искренность и чистота чувств, которые передают бродвейские артисты, защищают спектакль и их самих от насмешек и скепсиса. Их добросовестность, лишенная внутреннего комментария к годами играемой роли, не позволяет спектаклю выглядеть разболтанным и халтурным. И от этого машина под названием “американский мюзикл” остается блестящим первоклассным агрегатом, вырабатывающим радость и безотчетное ощущение праздника в тоскливой ночи.

А тем временем бедный Фантом, оставленный Кристиной и преследуемый ловцами привидений из Парижской оперы, мрачно закутался в свой черный плащ и... исчез. На троне его подземного царства осталась лежать белая безглазая маска. Зловещее шипение над ухом прекратило мои страдания над судьбой оперного призрака.

— Немедленно покиньте театр, иначе у вас и у артистов будут неприятности, — фигура члена театрального профсоюза выросла рядом, как из-под земли. Все мои аргументы, вроде — Москва, Россия, журналист, “Фантом бытифул”, не действовали. Фигура была неумолима и пригрозила вызвать полицию. Мне ничего не оставалось, как исчезнуть из кулисы театра “Мажестик”, как непонятому Фантому из Парижской оперы. Но в отличие от него я осталась при своем лице и полном кайфе.

Кусочек “Фантома” можно купить и увезти в любую точку земного шара. Индустрия Привидения поставлена на широкую ногу от продажи кассет до одежды с символом “Фантома”. Захигалки, кружки, брелки — не в счет. Правда, исподнеюго с безобразной маской я не встретила.

P.S. Автор благодарит за помощь в подготовке материала переводчицу Ирину Арцис и доцента РАТИ Кариму Вартанову.

Марина РАЙКИНА.

Нью-Йорк — Москва.

Моск. Комсомолец. 1997. - 19 ноября. - с. 8

ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА

“ФАНТОМ”

Подъезд театра “Мажестик”

ми, ни тебе вешалки, а тут же налево — вахтер, направо — вход на сцену. Вроде как вытер галюши и можешь перевоплощаться. Тут же установлено три монитора, и на них видно, как по центру сцены кривенько и бесхозно лежит здоровенная люстра, зачехленная, как в траурные дни, с протянутыми к ней со всех сторон канатами. Только я ринулась порасспросить американского работягу насчет веса и прочих деталей: летящей люстры, как из-под земли передо мной выросла фигура и произнесла: “Это опасно, мам”. Не уточнив, где и что опасно, фигура исчезла. Вахтер Джимми, который явно тут помирал от скуки, уважительно произнес: “Профсоюзы” — вслед удаляющемуся члену. Индифферентность вахтерского поведения обнаружила разительное несходство наших театров: Джимми не испытывал священного трепета при слове “Фантом”, при виде артистов и на вопрос, а смотрит ли он с боевого поста спектакль, на который рвется весь мир, пожевывая сказал:

— Да мне это просто неинтересно. Я один раз видел из зала. Хватит.

Ну как после этого не любить наших Марьявасильев, Владленсоломоновых, Нонригорьевых, которые, сидя на служебном входе, знают, почему у Гафта плохое настроение, и что выкинула в очередной раз ненормальная поклонница Жени Миронова. От Джимми веело дисциplinированной тоской, и утешение до прихода артистов можно было найти только в сюжете “Фантома”. Тем более что уже залупились фонарями с увестпорой, наводящей смуту в душе и во предвещающую ничего хорошего.

Ми-ля-ми-соль-фа-фа-ре-фа-ре-ми.

В Парижской опере происходят странные вещи: примадонна Карлотта неожиданно тернет голос, а артистка кордебалета Кристина неожиданно начинает прекрасно петь. Все считают, что это происки привидения, которое живет в подземном озере Оперы и вмешивается во все дела театра. Ко всему прочему привидение злобляется в балеринку, у которой есть возлюбленный Рауль. В общем, дикое страсти из дикого мексиканского сериала.

артистам для переодевания.

— Между прочим, легенда во всю эксплуатировалась в кино и на театре. Кажется, даже фильм одела, а спектаклей драматических еще больше. Даже рок-опера эочинили. Но только немой фильм Лона Чейни произвел сильное впечатление на композитора Эндрю Уэббера и режиссера Гарольда Принса, вдохновил их на мюзикл “Фантом Оперы”.

До явления ужасного привидения народу оставалось минут пятнадцать. Сам же Фантом, то есть артист, его играющий, сидел в своей крохотной гримерке перед зеркалом в трусах и уродовал лицом: свое не так уж чтоб красивое лицо. Он почти скороговоркой сообщил, что грим Фантома нашли в журналах начала века, где рассказывалось о некоем офицере, лицо которого было изуродовано в первую мировую войну. Тогда он придумал себе накладную маску “вроде этой — белая, на пол-лица, с нервным краем посредине, она закрывает глаза, нос так, что артист выбеливает только нижнюю часть, разрисовывая рот, будто в кровь содраны губы. И этого монстра полюбила Кристина! Впрочем, во-первых, любовь зла, полюбишь и... Фантома. И во-вторых, он хоть на лицо и ужасный, но оказался исключительно добрым и талантливым внутри.

Ми-ля-ми-соль-фа-фа-ре-фа-ре-ми.

До спектакля мы побывали у гримеров и узнали, что к этому спектаклю они готовят больше ста париков, и, что все костюмы делали в Ита-

Тот самый Фантом.